

ФОНЕТИКА ЯЗЫКОВ МИРА

А. И. Кузнецова

(МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва)

ФОНЕТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА: ЗАДАЧКИ ДЛЯ САНДРО ВАСИЛЬЕВИЧА

В середине прошлого века мне неоднократно приходилось слышать на лекциях в МГУ высказывание М. Н. Петерсона, иногда цитируемое и другими преподавателями, о том, что фонетика — это «ворота в языкознание». Во второй половине XX в. велись многочисленные споры по самым разным проблемам фонетики и фонологии, вырастали новые школы и направления, среди которых одно сменялось другим, и становились широко известными новейшие течения в зарубежной лингвистике (обзор которых, кстати, дан в совместной с О. Ф. Кривновой работе юбиляра [Кодзасов, Кривнова 2001]). На протяжении многих десятилетий С. В. на большом практическом материале разрабатывал свою теорию формирования звуков. Материалом в наибольшей степени служили русские и кавказские языки. Впрочем, последними не ограничивался круг интересов С. В., побывавшего также в аллюторских, а затем в финно-угорских экспедициях — к марийцам и бесермянам (язык которых одни лингвисты считают диалектом удмуртского языка, а другие называют идиомом).

В какой-то момент заинтересовался С. В. и фонетикой селькупов. Прослушивая впервые запись селькупского текста, недоумевал и говорил о «растворе» рта, почти не открываемого при беглой речи информантами. Нечеткость артикуляции¹ мешала восприятию звуков. На специфику артикуляции селькупов обращали внимание многие исследователи. По свидетельству А. И. Кузьминой, изучавшей 30 лет назад фонемный состав селькупского языка, «в течение произнесения отдельных

¹ Прямо противоположной точки зрения на своеобразную артикуляционную базу селькупского языка придерживается А. И. Кузьмина [Кузьмина 1973: 212–229]. Автор перечисляет 18 общих для всех диалектов и говоров этого языка черт, характеризующих его артикуляционную базу; среди перечисляемых черт называется «сильная напряженность и четкость артикуляции», ее гибкость и подвижность [там же: 213–214]. Схему артикуляционной классификации гласных фонем селькупского языка см. в Приложении.

звуков положение органов речи остается неизменным. Переход от одного звука к другому совершается мгновенно» [Кузьмина 1973: 214]. Не только С. В., никогда раньше не работавший с селькупами, но и многие другие лингвисты, изучавшие этот язык, испытывали (и продолжают испытывать) большие сомнения в том, *как транскрибировать тот или иной звук и еще большие — квалифицировать ли его как фонему или считать аллофоном*².

Не меньшие трудности вызывал и продолжает вызывать вопрос о том, *какой буквой и какой именно звук передавать на письме*. Эта проблема вставала не только перед лингвистами.

Задолго до появления лингвистических работ по селькупскому языку можно было найти записи отдельных селькупских слов (иногда в разных вариантах) или целых фраз у путешественников-одиночек и участников великих Сибирских экспедиций XVIII века. По этим раритетным материалам, в которых одно и то же слово нередко записывалось несколькими разными способами, можно судить о том, что именно вызывало сомнение пишущего, и как он его разрешал. Одним из наиболее известных памятников такого рода, сохранившим сведения о южно-селькупском языке конца XIX в., являются сделанные священнослужителем Н. П. Григоровским переводы на селькупский язык некоторых религиозных текстов. К ним относится, напр., «Объяснение праздников Св. Церкви на остяцко-самоедском языке», составленное им «для инородцев Нарымского края», т. е. для южных селькупов [Григоровский 1879]. В произвольно взятом из указанной книги отрывке селькупского текста (который приводится ниже) слова из этого памятника сравниваются с фиксацией их в современных работах лингвистов (параллельно с селькупским текстом дается его перевод на русский язык; ударный гласный селькупского языка выделен полужирным шрифтом):

Частангъ ме юнгольджикуть, што гула ченчатъ: карзень нульдзель энчитъ, аль тамдель нульдзель звань. Кочи гула нильдингъ ченчатъ, а ась тынватъ, кай нултелдъ значитъ? Табла только тынватъ, што нултелгынъ работатчиле авой энгъ, а аранканъ ютку можнанъ энгъ. ‘Часто мы слышим, что люди говорят: завтра будет праздник, или сегодня праздник. Многие люди говорят так, но не знают, что значит праздник? (так в оригинале. — А. К.). Они только знают, что в праздник работать нельзя, но вино пить можно’ [Григоровский 1879: 4].

² В 2007 г. Е. А. Хелимский, писавший в «Очерках по селькупскому языку (тазовский диалект)» (М., 1980) раздел по фонетике и фонологии, в последние годы своей жизни, по его собственному признанию, «заметно эволюционировал от традиций московской и, в какой-то мере, ленинградской фонологической школы в направлении генеративной фонологии» [Helimski 2007: 2]. В результате Е. А. Хелимский пришел к необходимости хотя бы «чуть-чуть модифицировать орфографию», что может в дальнейшем привести ее к отдалению от фонетики и приближению к фонологии [там же], а это реально делал уже Г. Н. Прокофьев.

В приведенном абзаце обращает на себя внимание полное отсутствие обозначения специфических звуков южных диалектов селькупского языка, звуков, для передачи которых на письме кириллицей в настоящее время широко используется диакритика, вводятся новые буквы. Напр., в тексте 1879 г. встречается глагол *юнгольджуку* ‘слышать’ [Helimski 1983: 223; Хелимский 2007: 56, 224]. Учитывая произношение современных южных селькупов в разных говорах, слово можно найти в современном «Селькупско-русском диалектном словаре». Однако его транслитерация будет иной, содержащей четыре новых буквы с диакритикой и с заменой букв *о* на *э*, а *л* на *ль*: *ýŋgǽljǫgʷ* ‘слушать’, *ýŋgǽljǫýmbygʷ*, *ýŋgǽljǫǰmǫǰgʷ* и *ýŋgǽljǫǰmǫǰgʷ* ‘слушать’ [СРДС 2005: 265, 315]. В словаре, включающем материалы К. Доннера (1910-е гг.), У. Т. Сирелиуса (1890-е гг.) и Я. Алатало (1990-е гг.), основа этого глагола дана как *ýŋkǽljǫ*– и тоже перечислены все ее варианты по говорам [SW 2004, № 228: 38]. Другое слово со значением ‘праздник’ в издании Православного Миссионерского общества было зафиксировано как *нульдзель*³ и *нутелдь* (букв. < *нул* / *нуль* ‘небесный’, *дзел* / *тел* / *телд* ‘день’. Ср. сев.-сельк. *nǫl* ‘небесный’, *čelʷ* ‘день’). То же самое слово со значением ‘праздник’ при подаче на письме современных южных селькупов выступает во многих вариантах: *нул* / *нуль* + *дел* / *дельт* / *тел* / *тёл* / *телт* / *тёлт* и *нут чел* ‘праздник’, которые допустимы в разных районах расселения южных селькупов.

Сложная ситуация с транскрибированием слов и составлением алфавита с учетом фонетической транскрипции наблюдается в письменности северных селькупов, у которых первоначально (в 1932 г.) был введен алфавит на латинской основе, созданный на базе тазовского диалекта [Прокофьев 1937: 96]. (Составление алфавита для южных селькупов началось лишь в 1990-е гг.⁴) Селькупы Туруханского р-на, владеющие родным языком и учившие (пусть даже в минимальной степени) в школе английский язык, могли читать учебники с латинской графикой (что было предложено сделать им в 1990-х гг.) и говорили: «эта (азбука. — *А. К.*) лучше подходит к нашему языку». На втором этапе составления алфавита (на кириллической основе, сменившей ранее существовавшую азбуку на латинице), ее создатели столкнулись с большими трудностями. В учебниках по селькупскому языку для школьников

³ Следует иметь в виду, что в соответствии с требованиями старой русской орфографии во всех словах селькупского текста, записанных кириллицей, после конечных согласных стоит буква «ер» (ъ).

⁴ В 1933 г. у южных селькупов была предпринята попытка использовать в учебном процессе язык тазовско-туруханских селькупов, поскольку к этому времени был написан «Букварь» Е. Д. Прокофьевой. Однако попытки работать с этим учебником в Колпашеве и в 4-х школах Тымского р-на окончились неудачей: дети плохо понимали язык северных селькупов; в результате среди южных селькупов возникло недовольство и «опасение, что внедрение нового для них языка приведет к деградации их культуры» [Тучков 2007: 165].

младших классов Г. Н. и Е. Д. Прокофьевы (первопроходцы в деле составления письменности для северных селькупов) учитывали дистрибуцию согласных, вводя правила их написания. Составление алфавита для северных селькупов вызывало у авторов большие трудности и сомнения, что может быть показано на примере подачи в алфавите так называемых «глубоко-заднеязычных» смычных. К ним относятся **q** глухой, **q̣** звонкий, развивающийся из **q** под влиянием следующего за ним **l**, **ɕ**⁵ средне-звонкий и **h** носовой (в отличие от заднеязычных **k**, **g**, **G** и **ŋ**). По наблюдениям Г. Н. Прокофьева, «в произношении отдельных (sic! — А. К.) лиц **q** в положении перед **ə** или **æ** сочетается со звуком **w**» [Прокофьев 1935: 24, ср.: 6]. Прокофьев считает, что «такая лабиализация глубоко-заднеязычного **q** (а также **к**) характерна для южных диалектов селькупского языка» [Прокофьев 1935: 22]. Однако следует сказать, что в конце XX — начале XXI века это явление мне удалось наблюдать и в северных диалектах селькупского языка у жителей с. Фарково. Правда, глайд (дифтонгизированный гласный) в указанной позиции появлялся в речи далеко не всех носителей языка, и слово могло двояко звучать в речи одного и того же носителя: **qəntuat** и **qwəntuat** ‘пошли (ЗПИ)’. Кроме того, глайд встречался практически перед любым гласным и чаще всего после согласных **s** и **t**, реже — после **q**, напр.: **tūq-tyt** (и **tūq-t**) ‘приходят’, **pašqw-t** ‘спускаются’ (усеченная форма ЗПИ) и одновременно **holaswat** ‘погнали’. Вместо глайда после **s**, **t** (и наряду с ним) возможны дифтонгические сочетания в словах **əsygysuat** ‘повалили’ (т. е. ‘убили’ — так говорят о медведе) или в приведенных выше глаголах **qwəntuat** и **qəntuat**. Русское слово *добыли* селькуп перевел на селькупский и сам записал как *kхессат*, однако произнес его [qəsswat], т. е. после **s** был слышен глайд перед звуком [a], а [q] звучало без глайда как [kh]. Иными словами, самозапись отражала частично правильное произношение. В отличие от М. А. Кастрена, который в **q** видел лишь разновидность **k** [Castrén 1854], Г. Н. Прокофьев считал их разными фонемами, имеющими каждая свои разновидности, зависящие от их распределения. Действительно, в селькупском языке можно найти минимальные пары, различаемые данными фонемами: **kūt** ‘загон’ и **qūt** ‘ель’, **kutyn** ‘занавеска, передник’, а **qutyn** ‘нагрудник шамана’.⁶ При создании учебников для следующих годов

⁵ М. А. Кастрен не вводил особого обозначения для выделяемого Г. Н. Прокофьевым глубоко-заднеязычного **q**, считая, что **q** является разновидностью **k**, зависящей от последующего гласного [Прокофьев 1935: 24]; [Castrén 1854: § 13].

⁶ Г. Н. Прокофьев приводит примеры пяти минимальных пар (напр., **кала** ‘ковш, ложка’ и **qala** ‘он остался’, **kəty** ‘шаг’ и **qəty** ‘селение’), среди которых в настоящее время только две приведенные являются таковыми. Остальные в записях экспедиций 1960–1970-х гг. различаются по долготе гласных в одном из членов пары, напр.: **kə** ‘излишек’ (у Прокофьева **kə**) и **qə** ‘гора’. Разрешить эти и им подобные спорные случаи в настоящее время уже невозможно (хотя совре-

обучения, когда был разработан так называемый практический алфавит на основе тазовского диалекта, три первые из рассматриваемых согласные не получили особых обозначений. По мнению Г. Н. Прокофьева, «глубоко-заднеязычные» имеют дополнительную дистрибуцию, являясь аллофонами одной фонемы: увулярный **ŋ** встречается в позиции после **m** (olamŋo ‘начать, собраться’), **n** (qəpŋo ‘уйти, пойти’), **ɲ** (malanŋo ‘грызть’, čaŋŋ ‘пасть, ловушка’), **l** (qulalŋo ‘распялить’), **r** (qoŋŋ ‘медведь’, wəŋŋ ‘большой’) и в положении между двумя гласными, напр., **n-ŋyŋ** ‘три’, **qəŋŋlDəŋŋ** ‘прекратить, кончить’ и др.⁷ [Прокофьев 1935: 24, 110–131]. Таким образом, было установлено, что разумнее при составлении алфавита исходить из фонологической системы языка, для чего требуется перевести все учебники на новую графику.

При переходе на кириллицу в «Букваре» Г. Н. и Е. Д. Прокофьевых (1940) велярный смычный передается как **к**, а увулярный — как **х**: *кыпа* [кура] ‘маленький, младший’, *кома* [кома] ‘стрела’, *кала* [kala] ‘ковш’, но *хэлы*⁸ [qəly] ‘рыба’, *хум* [qum] ‘человек’. Для передачи на письме увулярного носового авторы ввели диграф **нг**, а вместо ожидаемого после него **ŋ** (как это было в письме на латинской основе при сочетании с увулярным назальным) писали **к**: *чангкы* ‘ловушка’, *чингкы* ‘лебедь’.

Однако в учебниках послевоенных лет (напр., «Букварь» С. И. Ирикова 1997 г.) для увулярного смычного [q] вводится уже новая графема **қ**: *қум* ‘человек’, *қай* ‘кто, что’, *лоқа* ‘лиса’, *мэрқы* ‘большой’ и др. Сохраняется она и в последующих изданиях учебной литературы (см. книгу для чтения в 4-ом классе селькупских школ того же автора «Тоқылтымпытый книга» [Ириков 2002]).

При составлении кириллического алфавита не меньше трудностей, чем заднеязычные согласные, вызвали согласные **s** и **ʃ**, причем в учебниках 1980–1990-х гг., написанных С. И. Ириковым с соавторами (школьными учителями), **ʃ** передавалось как **щ**: *щипа* ‘утка’, *щұқылқо* ‘скоблить’, *қищқя* ‘звезда’ и т. д. Эту традицию удалось переломить лишь в 2002 г. А. И. Гашилову, отредактировавшему упоминавшуюся уже книгу «Тоқылтымпытый книга». Буква **щ** была изъята из алфавита. Здесь же была введена в алфавит новая буква: вместо одного гласного **и** появилось два написания — **и** [i] для напряженного гласного (*ира* ‘старик’) и **і** [ɨ] для ненапряженного (*нільчык* ‘так’, *ілә* ‘вниз’). В последнем приме-

менные можно перепроверить), поскольку фонозаписывающие аппараты во времена Прокофьева не использовались, а шансы записать подобные пары сейчас с каждым годом уменьшаются в связи с уходом из жизни людей, хорошо владеющих родным языком.

⁷ Другие аллофоны «глубоко-заднеязычных» фонем в конце XIX — начале XX в. практически не встречаются совсем, по крайней мере, на слух они не воспринимаются. У старшего поколения более или менее различаются лишь два варианта произносимых «глубоко-заднеязычных» фонем.

⁸ Здесь и далее буква э соответствует звуку [ə].

ре в кириллический алфавит была введена также буква **я̋** вместо ранее используемой буквы **я** и буква **э̋** на месте **э** (существовавших во всей учебной литературе, начиная с 1989 г.)⁹.

В том же году появляется учебное пособие по селькупскому языку четырех авторов (Е. В. Грушкиной, О. А. Казакевич, А. И. Кузнецовой, А. Е. Хелимского) для педагогических колледжей и высших учебных заведений. В этом учебном пособии дано примечание, касающееся передачи селькупских фонем на письме. В нем указывается, что «фонологический принцип для селькупской орфографии основополагающий, но имеют место некоторые отклонения от него» [Селькупский язык 2002: 39]. Как видно из данного примечания, главенствующим для селькупского алфавита и здесь считается фонологический принцип, однако некоторые фонемы передаются разными буквами, в том числе диграфами. Так, фонемы /n/ и /ñ/ могут иметь однобуквенные обозначения перед гласными **а**, **о**, **у**, которые становятся йотированными гласными **я**, **ё**, **ю**: [ñäñ] = *нянь* ‘хлеб’, [ñома] = *нёма* ‘заяц’, [ñуtu] = *нюты* ‘трава, сено’, а в конце слова или перед другими гласными обозначаются двухбуквенными сочетаниями как **нь** (см. *нянь*). Перед гласными **е**, **и** мягкость **н** никак не обозначается (та же ситуация наблюдается и для передачи на письме фонем /l/ и /l’/). Во то же время одна и та же буква может служить для передачи разных фонем. Напр., буква **я** обозначает фонемы /a/ и /ä/: [nä’aku] = *няляку* ‘падчирица’ и [ñäñ] = *нянь* ‘хлеб’ [Селькупский язык 2002: 37–41]. С 2002 г. обновлений в алфавите для северных селькупов не происходило.

Впрочем, недавно Е. А. Хелимский поделился своими размышлениями о необходимости изменений в селькупской азбуке, разместив 12.01.07 в Интернете свои замечания к вокализму тазовского диалекта. В частности, его замечания касаются противопоставления так называемых напряженных и ненапряженных гласных. С одной стороны, автор разделов по фонетике и фонологии северных селькупов [Очерки 1980]; [Селькупский язык 2002], продолжает придерживаться ранее высказанной мысли о том, что противопоставление по напряженности кратких и долгих гласных (**е** и **е̋**, **и** и **и̋**) является в тазовском диалекте и фонетической, и фонологической реальностью¹⁰; с другой стороны, он стал рассматривать это явление как явление чисто инновационного характера, считая, что «искать за ним какие-то глубинные исторические причины, нет оснований» и исторически без него можно обойтись, выбрав другой

⁹ В книге для чтения, отредактированной А. И. Гашиловым, появились новые буквы — **ё̋** (после мягких согласных) и **[** (после твердых согласных). К сожалению, далеко не все проблемы оказались решенными и на этом этапе исправлений.

¹⁰ Признаком, сопутствующим степени напряженности, является длительность: обычно именно напряженные гласные бывают долгими. О корреляции такого рода писала Н. В. Деннинг по материалам баишенского говора в системе селькупских диалектов [Деннинг 1988: 149].

способ описания селькупского языка, а именно — «описания на уровне глубинной морфонологии» [Helimski 2007: 2–4]. При этом из описания исчезнет различие напряженных и ненапряженных гласных, которые можно считать вариантами одной фонемы, что не может не отразиться на всем правописании. При работе с информантами неустойчивость написаний, получаемых от информантов, была велика уже 35 лет назад; количество варьирующихся написаний заметно возросло в настоящее время. Этот факт подтолкнул Е. А. Хелимского к мысли о необходимости хотя бы «чуть-чуть модифицировать орфографию». В частности, теперь он считает допустимым написание Nännä (вместо N#nnä) ‘вперед’ через ä, т. е. пишется так же, как и слово Närgy ‘красный’ и др. Не меньшие колебания отмечаются Е. А. Хелимским и в области соотношения долгот и краткостей. По его наблюдениям, «фонологичность долготных противопоставлений в зоне передних гласных ä, [, ü] напрямую связана на письмо с проблемой различения долгих и кратких звуков. Между тем лингвисты прекрасно знают по собственному опыту, что фиксация долготы, полудолготы и краткости, так или иначе связанной с артикуляторной характеристикой монофтонгов (ср. [Лийв 1962: 32ff]), в полевых условиях весьма затруднительна.

Общее направление модификации селькупской орфографии, предлагаемое Е. А. Хелимским, — «в сторону её отдаления от фонетики и приближения к фонологии» [Helimski 2007: 4]. По сути дела, это продолжение того же начинания, которое было предпринято Г. Н. Прокофьевым. Вряд ли удастся создать идеальную графику, в которой имеется одно-однозначное соответствие между фонемами и графемами, но составители азбук обычно стремятся к этому. Все приведенные точки зрения на взаимозависимость фонетики / фонологии и орфографии для селькупского языка демонстрируют сложность проблемы и неустойчивость существующих азбук. Между тем именно письменность, по словам М. Е. Алексева, «является единственным эффективным противодействием вымиранию языков малочисленных народов» [Алексеев 2007: 19]. Стремительно растущее забывание родного языка у селькупов (при добровольном переходе молодых на русский язык) и ничтожно малое количество часов, отводимое в начальной школе на селькупский язык, ведет к тому, что все попытки улучшения селькупской графики и орфографии становятся уделом только науки. В последнее время лингвисты снова заинтересовались вопросом обновления письменностей ряда малочисленных народов. После появления современной аппаратуры для записывания звучащей речи и возможности ее визуального прочтения стало возможным различать нечетко произносимые звуки, давать более аккуратную и четкую запись текстов для издания. Но кто, когда и как вплотную займется этими проблемами, сказать невозможно. Обновить азбуку и реализовать ее при написании новых учебников для школы станет реальным лишь при появлении энтузиастов среди самих селькупов, заинтересованных в этом деле.

Проблемы составления письменности мучительны для всех языков и особенно для языков миноритарных народов (в том числе уральских). В последнее время о фонологическом принципе, который должен быть положен в основу графики и орфографии, заговорили лингвисты, изучающие не только селькупский, но и другие миноритарные языки, напр., хантыйский язык [Каксин, Ковган, Кошкарева 2001], водский язык (устное сообщение Т. Б. Агранат).

На VIII финно-угорском конгрессе 1995 г. остро дебатировался вопрос о создании хантыйского и мансийского литературных языков, в связи с чем обсуждались и проблемы алфавита для этих народов [Zaicz 1995]. Целенаправленные поиски в этом направлении велись, начиная с конца 1920-х гг., первоначально на латинской, с 1937 г. — на русской основе. Однако сознательно предпринятые первые попытки создания письменности для ханты на их родном языке относятся ко второй половине XIX в. Их пытались осуществлять миссионеры-священники: Вологодский в 1840–1842 гг. создал «Северно-хантыйский словарь» и перевел отрывки из Евангелий (они были изданы венгром П. Хунфальви); позднее (1868 и 1880 гг.) Вологодский дважды издал тексты на березовско-обдорском диалекте. И. Егоров составил азбуку на обдорском диалекте (1897–1898 гг.); эту же азбуку перевел на ваховско-васюганский диалект в 1903 г. Ф. Тверитинов. По-настоящему вопрос о создании хантыйской письменности был поставлен лишь в 1930-е гг. Первый букварь (на основе обдорского диалекта), автором которого был П. Е. Хатанзеев, появился на латинском языке в 1930–1931 гг. Позднее за основу литературного хантыйского языка на русской основе был взят казымский диалект [Штейниц 1937]. Создатели ныне действующего алфавита, ориентированного на западные диалекты хантыйского языка, отмечают, что переход на русский алфавит «был вынужденным и объективным одновременно»: объективным с экстралингвистических позиций и неоправданным с лингвистической точки зрения. В 1937 г. «в основу графики и орфографии хантыйского языка были положены ПРИНЦИПИ-АЛЬНО ИНЫЕ ОСНОВЫ ГРАФИКИ И ОРФОГРАФИИ (выделено авторами. — А. К.) русского языка» [ИХА 1995: 1]. Спустя полвека (в 1990-е гг.), Е. А. Нёмысова предприняла попытку разработать новый алфавит, приведший к усложнению графической системы (он включил в свой состав 35 букв, в результате чего произошло превышение букв над фонемами в этом варианте на 9 единиц). Наконец, в конце второго тысячелетия исследователи хантыйского языка (А. Д. Каксин, Е. В. Ковган, Н. Б. Кошкарева) предложили еще один вариант алфавита для казымского и других западных диалектов, в котором отказались от фонематически неоправданных букв и от слогового принципа графики. Фактически данный алфавит представляет собой возвращение к алфавиту В. К. Штейница, если бы им в свое время была произведена последовательная замена латинских букв на русские. В результате в новом варианте алфавита стало 28 букв, соответствующих 27 фонемам

хантыйского языка¹¹. Алфавит считается максимально адекватным фонологической системе западно-хантыйских диалектов [ИХА: 4]. Дело теперь «за малым»: перевести все учебники на новую графику и начать печатать на ней остальную литературу и национальную газету «Хантй йаһаң».

Становление алфавита, приведение в соответствие графики и орфографии, как видно на примере селькупской и хантыйской письменностей, — дело кропотливое и долгое. И связано это со многими причинами. Наиболее очевидной причиной разночтений является наличие разных говоров, в каждом из которых могут быть, в свою очередь, как специфичные для говора, так и сходные с особенностями другого говора черты. К тому же многие записи нередко велись не лингвистами-профессионалами, в связи с чем доверять таким материалам бывает рискованно. Большая вариативность в произнесении, как гласных, так и согласных (в том числе и у одного человека), затрудняет сведение воедино вариантов и осуществление фонологической общепринятой транскрипции для уральских языков, на основе которой можно было бы составлять письменность. При наличии многих разных говоров у миноритарных народов составить единую графику (письменность) для далеких нередко друг от друга говоров без наличия единого литературного языка нереально. Письменный язык еще не есть литературный, единый для представителей всех говоров и диалектов язык (подобно существующему единому литературному русскому языку). Если в русском литературном языке уже более полутора веков формируется устная разновидность литературного языка и устный литературный существует наряду с устным разговорным (нелитературным) языком, то о подобной оппозиции для селькупского или хантыйского языков говорить нельзя. Письменный язык селькупов, ханты и многих других миноритарных народов пока не имеет подобной оппозиции и вряд ли целесообразно говорить о письменном языке в этом случае как о языке литературном. Об этом неоднократно писала Г. П. Нецименко [Нецименко 2006], об этом же говорила применительно к хантыйскому языку И. А. Николаева [Nikolaeva 1995: 123–128], выступая с докладом на VIII Международном конгрессе финно-угроведов в Ювяскюля; эту же точку зрения поддерживает и автор данной статьи. Речь идет о необходимости создать (по возможности) единую письменность для близких диалектов хотя бы северных селькупов и для близких между собой диалектов казымских хантов, еще сохранивших свой язык. На основе письменных языков со временем у этих народов может возникнуть письменный литературный язык, подобно тому, как формируется (или уже сформировался) литературный язык для некоторых других языков уральской языковой семьи.

¹¹ В хантыйско-русском словаре васюганского диалекта использовано 29 букв [Могутаев 1996].

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев М. Е.* Полевая лингвистика и письменность для бесписьменных языков // Полевая лингвистика. М., 2007. С. 3–20.
- Григоровский Н. П.* Объяснение праздников Св. Церкви на остяцко-самоедском языке. Казань, 1879.
- Деннинг Н. В.* Место баишенского говора в системе селькупских диалектов (по фонетическим данным) // Фонетика и грамматика языков Сибири (Сборник научных трудов). Новосибирск, 1988. С. 140–153.
- Ириков С. И.* Букварь для 1 класса селькупских школ. СПб., 1997.
- Ириков С. И.* Тоқылтпытытй книга. Чтение. Учебник для 4 класса селькупских школ. Санкт-Петербург, 2002.
- ИХА — Каксин А. Д., Ковган Е. В., Кошкарева Н. Б.* История хантыйского алфавита (с ориентацией на западные диалекты) / Под ред. В. Н. Соловар. Ханты-Мансийск, 1995.
- Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.* Общая фонетика. М., 2001.
- Кузьмина А. И.* К вопросу о фонемном составе селькупского языка // Самодейский сборник. Сборник научных трудов. Новосибирск, 1973. С. 212–229.
- Лийв Георг.* Ударные монофтонги эстонского языка. Артикуляторно-акустическое исследование. Таллин, 1962.
- Могутаев М. К.* Хантыйско-русский словарь (васюганский диалект). Томск, 1996.
- Нещименко Г. П.* Этнический язык. Опыт функциональной дифференциации (на материале сопоставительного изучения славянских языков). München, 1999.
- Прокофьев Г. Н.* Селькупский (остяко-самоедский) язык. Ч. 1. Селькупская грамматика. Л., 1935.
- Прокофьев Г. Н.* Селькупский (остяко-самоедский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. 1. М.; Л., 1937. С. 91–124.
- Прокофьев Г. Н., Прокофьева Е. Д.* Букварь. Л., 1940.
- Селькупский язык — Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Грушкина Е. В., Хелимский А. Е.* Селькупский язык / Под ред. А. И. Кузнецовой. СПб., 2002.
- СРДС — Селькупско-русский диалектный словарь / Сост.: В. В. Быконя, Н. Г. Кузнецова, Н. П. Максимова; под ред. В. В. Быконя. Томск, 2005.*
- Тучков А. Г.* Факторы формирования языковой ситуации у южных (нарымских) селькупов в 1920–30-е годы // Вестник Томского ГПУ. Вып. 3 (66). Томск, 2007. С. 161–168.
- Хелимский Е. А.* Южноселькупский словарь Н. П. Григоровского. Hamburg, 2007.
- Штейниц В. К.* Хантыйский (остяцкий) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. 1. М.; Л., 1937. С. 193–227.
- Castrén M. A.* Grammatik der samojedischen Sprachen. SPb., 1854.
- Helimski E.* The Language of the first selkup Books. Szeged, 1983.
- Helimski E.* Marginalia ad SkWb // <http://helimski.com/Marginalia%20ad%20SkWb/>. 2007.
- Nikolaeva I. A.* The Ob-Ugric peoples and literary language: A personal opinion // Zaicz G. (ed.). Linguistica. Ser. A. Studia et dissertations, 17. Zur Frage der Uralischen Schriftsprachen. Budapest, 1995. S. 123–128.
- SW — Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo. Helsinki, 2004.*
- Zaicz G. (ed.).* Linguistica, Ser. A. Studia et dissertations, 17. Zur Frage der Uralischen Schriftsprachen. Budapest, 1995.

Приложение

РЯДЫ СТУПЕНЬ ПОДЪЕМА	ПЕРЕДЕРЯДНЫЕ		СМЕШАННОРЯДНЫЕ		ЗАДЕРЯДНЫЕ		РЯДЫ СТУПЕНЬ ПОДЪЕМА
	НЕОУБЛ.	ОУБЛ.	НЕОУБЛ.	ОУБЛ.	НЕОУБЛ.	ОУБЛ.	
1.	и: и: и	у: у: у	э: э: э	е: е: е	и: и: и	у: у: у	1.
2.	е: е: е	э: э: э	и: и: и	у: у: у	и: и: и	у: у: у	2.
3.	э: э: э	е: е: е	и: и: и	у: у: у	и: и: и	у: у: у	3.
4.	и: и: и	у: у: у	э: э: э	е: е: е	и: и: и	у: у: у	4.
5.	у: у: у	и: и: и	и: и: и	у: у: у	и: и: и	у: у: у	5.
6.	и: и: и	у: у: у	и: и: и	у: у: у	и: и: и	у: у: у	6.

ТАБЛИЦА - СХЕМА № 1

АРТИКУЛЯЦИОННОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ СЕЛЬКУПСКОГО
ЯЗЫКА В ИХ ОСНОВНЫХ ОТТЕНКАХ (В РАМКАХ ДАНЫ ОТТЕНКИ ОДНОЙ ФОНЕМЫ).